

следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства (далее – Инструкция).

В соответствии с п. 40 Инструкции выбытие следователя на место происшествия в составе СОГ осуществляется по указанию оперативного дежурного органа внутренних дел (ОВД) при поступлении информации, указывающей на наличие признаков преступления, заявления, сообщения о преступлении, информации об исчезновении лица и определенной информации о пожарах, указанной в п. 93 Инструкции. При этом следователь, заступивший на дежурство и находящийся в административном здании ОВД, согласно п. 42 Инструкции обязан незамедлительно выбыть в составе СОГ на место происшествия после соответствующего указания оперативного дежурного.

На практике же имеют место случаи отказа выбытия следователя на место происшествия в составе СОГ по следующим причинам: заявитель (пострадавший) находится в состоянии алкогольного или иного опьянения; пропавшее имущество оставлено без присмотра, забыто по невнимательности заявителя; сообщение о происшествии поступило не в день происшедших событий. Данные причины отказа выбытия на место происшествия, по нашему мнению, являются бесосновательными, поскольку противоречат как нормам УПК, так и Инструкции.

Следующей проблемой взаимодействия органов следствия с органами дознания является необоснованное возвращение следователями материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении в орган дознания по причине необходимости проведения не влияющих на квалификацию содеянного и принятие решения о возбуждении уголовного дела дополнительных следственных, оперативно-розыскных и иных проверочных действий (повторный опрос заявителя, истребование документов на имущество, назначение товароведческой экспертизы при наличии достоверных данных, подтверждающих стоимость похищенного имущества, и др.). При этом имеют место случаи несоблюдения сроков рассмотрения и возвращения материалов проверки в орган дознания, предусмотренных п. 15 Инструкции. Возвращение следователями материалов проверки в орган дознания, когда в этом нет острой необходимости, влечет увеличение сроков принятия законных обоснованных процессуальных решений по поступившим заявлениям, сообщениям о преступлении, которое противоречит одной из задач уголовного процесса – быстрому расследованию преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличению и привлечению к уголовной ответственности виновных.

Еще одной проблемой является направление органами следствия в орган дознания заявлений, сообщений о преступлениях, решения по которым в соответствии с ч. 2 ст. 174 УПК относятся к исключительной компетенции органов предварительного следствия, для проведения дополнительной проверки. Как известно, органы дознания не вправе возбуждать уголовные дела о преступлениях, связанных со смертью человека, против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 166–170 УК), совершенных депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, должностными лицами, занимающими ответственное положение и т. д., и проводить по ним неотложные следственные и другие процессуальные действия. Поэтому поступившие в орган дознания и зарегистрированное им заявление или сообщение о преступлении либо материалы при непосредственном обнаружении признаков преступления орган дознания в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 174 УПК передает по подследственности в органы предварительного следствия для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что совместное решение органами предварительного следствия и дознания обозначенных проблем позволит повысить эффективность деятельности при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, при производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам.

УДК 343.985.2

Е.И. Попова

НЕПОЛНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ: ВЗГЛЯД КРИМИНАЛИСТА

Анализ следственной практики дает основание заключить, что имеют место случаи, когда, привлекая лицо к уголовной ответственности за совершение преступления, сотрудники правоохранительных органов не вменяют ему все эпизоды преступной деятельности, не выявляют соучастников, не возбуждают в отношении них уголовные дела.

Отсутствие исчерпывающего перечня причин подобного рода ситуаций часто обусловлено целым рядом разнообразных факторов. Можно обозначить основные обстоятельства, вызывающие такие ситуации.

1. Некая шаблонность расследования со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эта проблема не раз становилась предметом обсуждения ученых-криминалистов [1, с. 105–108]. Например,

Ю.П. Гармаев говорит, что «для работников правоохранительных органов ситуация осложняется еще и тем, что личная практика каждого – следователя, дознавателя, оперуполномоченного, прокурора, судьи (в первую очередь у представителей первых трех профессий) – в той или иной степени однообразна. В результате этого возникают несколько упрощенные, шаблонные представления о преступности и неправомерности тех или иных посягательств. Хранящиеся в нашей памяти эталоны, «образцы» деяний, которые, как подсказывает практика, точно подпадают под признаки того или иного состава, часто мешают нам даже задуматься над тем, может ли быть квалифицировано как преступление то или иное общественно опасное деяние, которое мы ранее не расследовали (не рассматривали). А уж если мы не можем припомнить, чтобы вообще кто-либо и где-либо квалифицировал похожее деяние как преступление, то сознательно или подсознательно многие из нас вообще отказываются обращать внимание, задумываться над этим» [2, с. 48]. Как следствие, «в практике образуются и широко распространяются десятки типичных и весьма опасных нераспознаваемых, «неузнаваемых» преступлений. Причем бывает так, что мы каждый день можем сталкиваться с ними, сетовать на существенный вред, который они причиняют личности, обществу, государству, и тем не менее все-таки не распознавать признаки конкретных составов преступлений» [2, с. 49–50].

2. Недостаточно высокий уровень квалификации и опыта следователей и дознавателей, высокая рабочая нагрузка, отсутствие необходимых познаний в области уголовного права и криминалистики.

3. Последовательно реализуемая стороной защиты тактика «закругления расследования». Суть ее в том, что адвокат, его подзащитный придерживаются мнимобесконфликтного поведения [3, с. 292–293]. При этом часто они могут (в том числе и в самом начале расследования, еще до возбуждения уголовного дела, например, в рамках доследственной проверки) заявлять о готовности признать вину, инициировать дознание в сокращенной форме, «выйти» на особый порядок судебного разбирательства дела. Расчет защитника и подозреваемого идет при этом на то, что следователь/дознаватель, будучи удовлетворен отсутствием противодействия с их стороны, оценит судебную перспективу как ясную, хорошую, предполагающую практически 100%-е принятие судом обвинительного приговора [4, с. 415]. При таких условиях названное должностное лицо в силу различного рода обстоятельств (в том числе высокой профессиональной нагрузки, необходимости обеспечить план по числу уголовных дел оконченных производством и пр.) вряд ли будет

нацелено на выявление неизвестных эпизодов преступной деятельности подозреваемого, его вероятных соучастников и т. п.

4. «Сделка» между дознавателем или следователем и подозреваемым или обвиняемым. Суть ее можно описать, например, следующим образом. В случае совершения преступления в составе группы лиц следователь или дознаватель предлагают соучастникам решить, кто из них возьмет вину на себя. При этом должностное лицо обещает, что остальные будут «проходить по делу» в качестве свидетелей. Таким образом, часто для соучастников предложение является весьма привлекательным, так как в случае согласия с предложением следователя или дознавателя (который, кроме прочего, может обещать и рассмотрение дела в особом порядке с назначением минимального наказания) часть соучастников вообще не привлекаются к уголовной ответственности, а в отношении того, что соглашается признать вину, не вменяются такие квалифицирующие признаки, как «группа лиц по предварительному сговору» (в ряде случаев – «организованной группой»). Бывает, что следователь или дознаватель даже в случае совершения преступления единолично обещает квалифицировать действия подозреваемого не по всем, а лишь по нескольким эпизодам преступной деятельности, если последний признается в совершении какого-то числа (или даже одного) преступления и не будет оказывать противодействия органам предварительного расследования. В правоприменительной практике имеют место и другие, подобные описанным ситуации.

Тем не менее нельзя утверждать, что приведенные в рамках данного пункта примеры «сделок» широко распространены в следственной практике. Наоборот, считаем, что сотрудники правоохранительных органов – профессионалы своего дела, руководствующиеся законом и правилами морали. Однако совсем отрицать наличие таких «сделок» не правильно [5, с. 75]. Отметим, что подобного рода действия сотрудников правоохранительных органов, как правило, подпадают под признаки преступлений (ст. 285, 286, 299, 300 УК РФ и др.).

1. Сердюк А.А. Инициатива правоохранительных органов в выявлении взяточничества: проблемы практической реализации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2016. С. 105–108.

2. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2005. С. 48.

3. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика : учебник. М., 2008.

4. Гармаев Ю.П. Ситуационный подход и судебная перспектива по уголовному делу // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной

деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2012. С. 411–418.

5. Аликперов Х.Д. Компромисс в борьбе с преступностью. М., 1999.

УДК 343.985.7

А.Н. Примаков

ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ

Неотъемлемым элементом криминалистической характеристики любого вида преступления, и тем более против личности, является потерпевший. Результаты изучения обстоятельств совершения преступлений на сексуальной почве, а также личностей потерпевших позволяют утверждать, что для данной категории уголовных дел сложившаяся точка зрения, согласно которой большинству жертв присущи негативные нравственно-психологические черты, из-за которых и происходят подобные нападения, абсолютно неприемлема. Однако такое умозаключение не означает, что пострадавшие от насильников не обладают определенными свойствами, способствующими их попаданию в криминогенную ситуацию [1, с. 63]. Так, еще Г. Гросс отмечал, что проверка заявлений о кражах, грабежах, пожарах и изнасилованиях должна быть тщательной, поскольку не исключена возможность их симуляции [2, с. 31–34].

Становление криминалистического учения о жертве преступления связано с теоретическими разработками общих положений методики расследования преступлений. Так, Н.А. Селиванов утверждал, что «в преступлениях против личности достаточно полная характеристика не мыслима без подробных сведений о личности потерпевшего, самым непосредственным образом связанных с объектом преступного посягательства» [3, с. 56].

В настоящее время необходимость изучения личности жертвы установлена и нормами уголовного закона. В ст. 64 УК Республики Беларусь перечисляются индивидуальные признаки потерпевшего, отягощающие наказание виновного (беременность, малолетний или несовершеннолетний возраст, зависимость от виновного и т. д.). Представляется, что с криминалистической точки зрения изучение некоторых особенностей жертвы полового насилия помогает определить как специфику ее показаний, так и особенности тактики проведения ее допроса и других следственных действий с ее участием.

В криминалистической литературе обращается внимание на изменяющееся отношение к потерпевшей со стороны правоохранительных органов в зависимости от следственной ситуации. «При совершении сексуальных противоправных деяний по уголовным делам с установленной личностью подозреваемого, – отмечает О.А. Лакаева, – внимание к личности потерпевшей ослабевает. И наоборот, по уголовным делам с неустановленной личностью подозреваемого интерес к потерпевшей, ее связям со стороны правоохранительных органов значительно возрастает, а иногда становится необоснованно пристрастным» [4, с. 14].

Анализ следственной практики и статистических данных о половых преступлениях позволяет сделать вывод о том, что четверть (26 %) изнасилований и насильственных действий сексуального характера от общего количества зарегистрированных преступлений указанной категории совершаются группой лиц. При этом по возрасту потерпевшие распределяются следующим образом: несовершеннолетние – 34 % жертв, совершеннолетние одного возраста с преступниками – 54 %, старше преступника – 12 %.

Поведение потерпевшего лица можно охарактеризовать следующими субъективными особенностями:

психологическими (доверчивость, легкомыслие, повышенная внушаемость, психические отклонения и т. д.);

ситуативными (одномоментными или периодическими) поведенческими (небрежные и аморальные непродуманные или провокационные поступки, связанные с употреблением алкоголя, наркотических средств, беспорядочные половые связи и т. д.).

Некоторые авторы, изучая поведение жертвы полового насилия, обращают внимание на безнравственное поведение потерпевшей, под которым понимают отсутствие активного противодействия проявлениям сексуального характера. Есть также мнения о соотношении степени виновности насильника с наличием у потерпевшей сексуального опыта, об установлении в качестве смягчающих вину насильника обстоятельств: предыдущие сексуальные контакты виновного и потерпевшей, нахождение женщины в состоянии алкогольного опьянения, поведение женщины, воспринимаемое будущим насильником, как флирт, и т. д. [5, с. 108–109].

Однако, на наш взгляд, принципиально важно понимать, что в любом случае, если поведение женщины направлено на привлечение к себе внимания, выражает желание интимной близости, можно говорить о провоцировании ею мужчины на эту близость, но не об изнасиловании или иных насильственных действиях сексуального характера.

Изучение уголовных дел об изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера позволяет дифференцировать поведение